

Хозяйка таверны по-прежнему сохраняла ту же позу, что и до того, как ее окутал туман, не двигаясь с места.

Ее лицо все так же покрывал толстый слой пудры и румян, отчего кожа казалась мертвенно-бледной, а губы — неестественно-алыми.

Хозяйка пошевелила руками и ногами, в каждом движении ощущалась некоторая окоченность, но, сделав еще несколько пробных шагов, она окончательно освоилась в этом теле.

Духовные скакуны передвигались очень быстро, и всего за трое суток они добрались до города Люйсянь.

Однако до конечной точки пути было еще далеко.

Бескрайнее море лежало на восточном краю континента Цяньюань. Чтобы добраться туда, требовалось покинуть владения Пэнлай Сянь, миновать земли, подвластные Цзячсинлоу и Байюйцзин, и только после этого оказаться на месте.

Чжоу Сывэй изначально не планировал задерживаться в Люйсяне, но перед самым выездом из города Цзя Жунъи, который до этого все время спал, неожиданно заявил, что хочет переночевать здесь.

Хотя Чжоу Сывэй не понимал зачем, он все же послушался Цзя Жунъи и повернул назад.

Практикующим путь бессмертия сон был вовсе не нужен.

Чжоу Сывэй сидел на кровати, чинно выпрямившись и положив обе руки на колени.

Цзя Жунъи уже улегся, зарывшись с головой в пахнущее солнцем одеяло.

Подождав немного и едва не заснув от скуки, он понял, что Чжоу Сывэй даже не думает лечь.

Эй, — Цзя Жунъи подпер щеку рукой и повернулся набок. — О чем ты думаешь?

Чжоу Сывэй погрузился в редкое для него молчание.

Цзя Жунъи вытянул указательный палец и поманил его: — Иди сюда.

Тело Чжоу Сывэя словно перестало ему подчиняться: подчиняясь воле Цзя Жунъи, он откинул одеяло и послушно лег на кровать.

Вот только лег он абсолютно прямо, не раздеваясь и даже не касаясь краем одежды своего спутника.

А вот Цзя Жунъи вел себя куда менее сдержанно: прижав ладонь к груди лежащего рядом человека, он рывком сократил между ними расстояние.

Одолжи немного духовной энергии.

Произнеся это, он приблизился прямо к губам Чжоу Сывэя.

Чжоу Сывэй не смел пошевелить и пальцем, и все вокруг казалось замедлившимся.

Губы Цзя Жунъи были тонкими и почти лишенными краски, словно выцветшая бумага для румян, но в этом скрывался особый, утонченный шарм.

Его ресницы слегка подрагивали, напоминая трепещущие крылья бабочки.

И тогда Цзя Жунъи поцеловал его.

Густая духовная энергия потоком хлынула в тело Цзя Жунъи.

Духовная сила Чжоу Сывэя была полностью укрощена и подчинена. Куда более мягкая, чем дикая энергия внешнего мира, едва оказавшись внутри Цзя Жунъи, она тут же принялась выполнять приказы, успокаивая бушующие в его меридианах хаотичные потоки.

Лишь спустя долгое время Чжоу Сывэй пришел в себя.

Он широко распахнул глаза и с неверием дотронулся до собственных губ — на них все еще ощущалось мягкое тепло.

Получив духовную силу, Цзя Жунъи слегка порозовел лицом. — Что, не хочешь делиться?

Чжоу Сывэй едва мог связать слова и лишь спустя долгое время выдавил из себя: — Нет.

Цзя Жунъи, выглядевший совершенно невозмутимым, снова улегся на подушку.

Занимать духовную энергию через поцелуй было вовсе не обязательно, просто вид остолбеневшего Чжоу Сывэя заставил его захотеть подразнить юношу.

Бросив взгляд на покрасневшие мочки ушей Чжоу Сывэя, Цзя Жунъи мысленно усмехнулся:

подумать только, прошло уже сто лет, а он все такой же недогадливый и легко смущаемый.

Впервые они встретились по воле самого сюжета.

Чжоу Сывэй только-только лишился своих успехов в культивации, а невеста расторгла помолвку, лишив его ореола любимца небес.

Возможно, из-за всех этих испытаний Чжоу Сывэй, несмотря на юный возраст, был на редкость зрелым и рассудительным.

Когда Цзя Жунъи познакомился с ним, тот всегда ходил с серьезным, до боли скучным лицом. Именно поэтому тогда Цзя Жунъи так любил подтрунивать над будущим главным героем, добываясь на его лице хоть каких-то живых эмоций досады.

Впрочем, помимо личных прихотей, ему действительно была нужна духовная энергия.

Чжоу Сывэй, возможно, ничего не почувствовал, но Цзя Жунъи, столько лет прокрутившийся среди демонов, ощутил едва уловимую ауру демонической энергии, стоило им только переступить порог Люйсяня.

Она была тщательно спрятана, но от взгляда Цзя Жунъи укрыться не могла.

Это была не просто старая знакомая, а старая знакомая, с которой у него были давние счета.

Одна из трех бывших стражей Пути демонов — Дева Тумана.

Цзя Жунъи больше всего на свете любил сводить старые счета. Теперь, когда не нужно было следовать жестким рамкам сюжета, он мог действовать совершенно свободно и по своему желанию, тем более что рядом находился Чжоу Сывэй.

Вот только Дева Тумана имела определенные старые счета и с самим Чжоу Сывэем, поэтому он предпочел бы не вовлекать юношу в это дело.

Именно поэтому ему и понадобилось позаимствовать немного духовной силы, чтобы лично разобраться с отступницей и очистить ряды.

Движения внутри города Люйсянь уже не укрылись от его внимания, и теперь оставалось лишь заманить врага в ловушку.

Цзя Жунъи ждал, пока Дева Тумана проявит себя, и в ожидании незаметно для себя смежил веки и заснул.

Однако Цзя Жунъи заснул быстро, а вот сидевший рядом Чжоу Сывэй так и лежал с широко открытыми глазами, уставившись в потолок.

Услышав ровное дыхание спутника, Чжоу Сывэй наконец повернул голову.

Убедившись, что Цзя Жунъи крепко спит, Чжоу Сывэй осмелился сделать то, о чем давно думал. Только вот Чжоу Сювей затаил дыхание, осторожно протянул руку и легко коснулся губ лежащего перед ним человека.

Мягкие, и от них исходило едва уловимое тепло.

Чжоу Сювей молниеносно отдернул руку, смертельно испугавшись, что кто-нибудь заметит. Погодив немного и убедившись, что Цзян Жунъи никак не отреагировал, он набрался смелости.

Тут его дерзость возросла, он придвинулся ближе и прижался своими губами к губам Цзян Жунъи.

Самоучка, постигший науку инстинктивно, он высунул язык и лизнул чужие губы, ощутив неожиданный сладковатый вкус.

Цзян Жунъи шевельнулся.

Чжоу Сювей тут же послушно лег обратно, к счастью, Цзян Жунъи не проснулся.

Больше он не смел ничего предпринимать и лишь уставился на потолок, пытаясь унять необъяснимый жар, охвативший все тело.

Наверное, из-за того, что рядом кто-то лежал, Цзян Жунъи погрузился в сон из прошлого.

Тогда Чжоу Сювей был совсем юн и по сравнению с сегодняшним днем казался еще совсем зеленым.

Сам же Цзян Жунъи скрывал свою истинную сущность Владыки демонов. Несмотря на то, что он прожил уже несколько сотен лет, ради развития сюжета он все еще выглядел юношей, чем обманул немало глаз.

Они познакомились вскоре после начала истории.

Автор использовал прием контраста: в начале повести Шагнувшие в бессмертие описывались сплошные несчастья главного героя — чем мрачнее и тяжелее был его путь поначалу, тем

слаще ощущалось последующее возвышение и звонкие пощечины врагам, поэтому в первой половине жизни героя жребий выпал ему суровейший.

В первые годы он пережил гибель семьи и познал всю черствость и холод людских сердец. Единственным лучиком света для него стал скрывавший свою личность злодей.

Однако этот единственный друг оказался рядом лишь по иным причинам, и намерения его были нечисты.

Чжоу Сьювей не ведал об этих тайных подробностях. Он лишь цеплялся за этот единственный соломенный стебелек изо всех сил, и как-то раз, заболев и страдая от жара, редкостно откровенно излил душу:

— Уван... ты не можешь меня покинуть.

Тогда Цзян Жунъи думал лишь о том, что будь он и впрямь злодеем, то непременно нанес бы беспощадный удар, задушив главного героя еще в колыбели.

Однако, взглянув на полусонного, бредящего от жара подростка, он тяжело вздохнул: если бы он действительно был злодеем, его собственная гордость ни за что не позвонила бы ему обижать этого ребенка.

По сюжету Цзян Жунъи должен был сделать вид, что расслышал слова мальчишки.

Но он поколебался мгновение и все же ответил:

— Хорошо, я ни за что тебя не покину.

Всего лишь незначительная, ни на что не влияющая деталь, которая не затрагивала дальнейшего развития событий.

И это вовсе не стало пророчеством, а было лишь редким проявлением мягкосердечия со стороны Цзян Жунъи, пожелавшего утешить юношу, от которого отвернулся весь мир. Дальше сюжет развивался строго по сценарию, и Цзян Жунъи играл свою роль от начала и до конца, ничуть не заботясь о прежней привязанности.

Цзян Жунъи неторопливо очнулся ото сна.

Проснувшись, он сперва не мог четко разглядеть обстановку в комнате, тихонько застонал и лишь затем понял, что прижимается к груди Чжоу Сьювея.

Телосложение Цзян Жунъи нельзя было назвать мощным: рядом с Чжоу Сьюеем он походил на ленивую кошку, которая свернулась клубком на постели, окруженная кольцом его рук.

Стоило чуть приподнять голову, как перед глазами оказывался подбородок Чжоу Сьюея, а ноздри улавливали исходящий от него аромат.

Неизвестно, какими благовониями пользовался Чжоу Сьюей, но пахло от него точь-в-точь как прозрачным горным родником или бодрящим прохладным ветром, что встречает путника на вершине горы.

Цзян Жунъи прикрыл глаза, наслаждаясь этим запахом, и лишь когда тело Чжоу Сьюея напряглось, а лицо залилось краской, произнес:

— Я проголодался.

Чжоу Сьюей опустил голову:

— Чего бы тебе хотелось?

Цзян Жунъи призадумался:

— Ступай на улицу, купи что-нибудь по своему выбору.

Получив поручение, Чжоу Сьюей вышел из комнаты.

Хозяйка по-прежнему сидела за стойкой, любуясь собой в зеркало и наводя марафет. Заслышав шаги на лестнице, она мгновенно просияла.

— Молодой господин Чжоу, — приветливо окликнула она его. — Вам чем-нибудь помочь?

— Не подскажите, где поблизости можно купить позавтракать?

Хозяйка зачарованно уставилась на Чжоу Сьюея:

— Е-есть... Выйдете на улицу, повернете направо, и в самом конце переулочка найдете пару лавок с едой.

Чжоу Сьюей поблагодарил ее.

Ее глаза следовали за каждым движением Чжоу Сьюея, и лишь когда его силуэт скрылся из

виду, она отвела взгляд.

— Интересно, что это за человек... — на лице хозяйки застыла жуткая улыбка. — Раз ради него Чжоу Сьювей готов выслуживаться во всем.

Вчера хозяйка тоже испытывала к Чжоу Сьювею лишь легкую симпатию, но теперь ее одержимость граничила с безумием. Бормоча что-то себе под нос, она вспыхнула странным багровым блеском в глазах.

Издав странный смешок, она залягустила бедрами и зашагала вверх по лестнице, направшись прямо к комнате, где отдыхал Цзян Жунъи.

Неизвестно откуда за ее спиной начали клубиться густые слои тумана.

Цзян Жунъи по-прежнему лежал на кровати.

Достигнув определенной ступени культивации, человек обретает способность обходиться без зерновой пищи, и даже лишившись всех своих сил, он не нуждался в том, чтобы тратить время на плотские утехи чревоугодия.

Ему просто нужно было отправить Чжоу Сьювея прочь. В противном случае, при всей её осторожности и осмотрительности, Мглистая Дева ни за что не стала бы действовать опрометчиво.

За дверью раздался стук, а затем голос хозяйки:

— Молодой господин Чжоу попросил меня принести горячей воды.

Цзян Жунъи совершенно не подозревал подвоха:

— Войдите.

Он будто бы не замечал струек тумана, просачивающихся под дверь.

Хозяйка толкнула дверь и вошла. Прежде она была добропорядочной замужней женщиной, но теперь от неё почему-то исходила напускная, соблазнительная истома.

Стреляя глазками, она сладко пропела:

— Молодой господин.

Сгустившийся за её спиной туман обратился девятью свирепыми змеями, наглухо перекрывшими выход.

Сидящий на краю кровати Цзян Жунъи никак не отреагировал, лишь опустил взгляд на собственные руки.

Хозяйка, похоже, не заботилась о том, последует ли отклик, и всю разглядывала человека перед ней.

Суший простолюдин, без единой крупы культивации.

И такого человека приметил Чжоу Сывэй!

Хозяйка закусилась нижней губой зубами, её переполняли жгучая зависть и жажда убийства.

Убить его. Поглотить его.

Тогда Чжоу Сывэй навеки станет принадлежать только ей одной.

Змеи из тумана издавали зловещее шипение. Припав к полу, они извилистыми путями вползли в комнату и окружили юношу с обеих сторон.

Хозяйка шагнула вперёд — и внезапно рухнула на пол без чувств.

Следом из её черт лица потоком хлынул туман, формируя в воздухе женский силуэт.

— Ты ждёшь Чжоу Сывэя?

— Не бойся, когда я тебя поглочу...

— Я буду владеть Чжоу Сывэем вместе с тобой.

После этих эфирных, зычных слов женское тело обрело плоть и плотность.

Изящная фигура, пышные формы и высокий рост, иссиня-чёрные волосы уложены в причёску в виде извивающейся змеи, украшенную золотыми и нефритовыми подвесками — от неё так и веяло утончённым очарованием.

Редчайшая красавица в поднебесной.

Если бы сюда явилась та, что так кичилась своей красотой, Цзян Цзяою, ей непременно пришлось бы признать своё поражение.

Одна из трёх бывших стражей Пути Демонов, Мглистая Дева.

А заодно и одна из второстепенных героинь сюжета Восхождения к Бессмертию. Безумно влюбленная в Чжоу Сывэя, ради него она без колебаний предала Путь Демонов.

Но страсть приверженцев демонического пути была чересчур безумной — она ненавидела каждого, кто оказывался рядом с Чжоу Сывэем.

Неважно, мужчина это или женщина, — стоило кому-то подойти слишком близко к Чжоу Сывэю, как она открывала на них охоту.

Конечно, Цзян Жунъи ненавидел её вовсе не за предательство.

Мглистая Дева протянула нежную ручку, поправляя заколку-булавку в волосах, ожидая, пока человек перед ней рухнет на колени и станет молить о пощаде.

Однако прошло немало времени, а никакой реакции не последовало.

Мглистая Дева почувствовала неладное.

Обычный смертный при виде подобного зрелища давно бы залился слезами и завопил во всю мочь.

Неужели этот человек на самом деле не так прост?

Цзян Жунъи наконец поднял голову.

— Ты хочешь меня убить?

На его лице читался вовсе не страх — скорее, неподдельный интерес.

Следуя указаниям хозяйки, Чжоу Сывэй вышел из постоянного двора, повернул направо и углубился в переулок.

Сегодня в Люсяне стояла необытная тишина, не было слышно даже птичьего щебета.

Чжоу Сывэй обошёл переулок кругом, но не встретил ни единой души. Едва он собрался

повернуть обратно, как перекрёсток, откуда он пришёл, затянуло густым туманом, скрывшим дорогу вперёд.

Чжоу Сывэй шагнул прямо в пелену.

Клубящееся море тумана казалось иным миром, небо и земля слились в сплошной хаос, не имеющий ни начала, ни конца.

В безмолвном пространстве раздался чёткий, слаженный топот шагов. Туман немного рассеялся, и из него вышел отряд солдат.

Стискивая смертоносное оружие, они преградили Чжоу Сывэю путь.

В сердце Чжоу Сывэя поднялось смутно знакомое чувство.

Похоже, он уже видел эту картину и этих воинов.

Однако, как он ни напрягал память, в мыслях не нашлось ни единого воспоминания из прошлого.

Чжоу Сывэй ощутил раздражение — ему хотелось поскорее вернуться назад, к Цзян Жуньи.

Пройдя мимо ошетилившихся оружием солдат, он сделал шаг вперёд.

Безмолвные воины молча вскинули оружие.

Разумеется, лишённые собственного разума солдаты не могли знать, что остановить Чжоу Сывэя им не по силам.

Мглистая Дева замерла.

В Списке красавиц Поднебесной она занималась седьмую строчку и однажды видела ту, что возглавляла этот перечень, но по сравнению с юношей та казалась бледной тенью.

— Кто ты?

Обладая столь поразительной внешностью, этот человек не мог оставаться безвестным.

Сомнение мелькнуло в голове Мглистой Девы, но тут же растаяло, сменившись кокетливым смешком.

Это неважно. Каким бы несравненным и ослепительным ни было это лицо, в конце концов оно станет частью её собственного тела, приумножив её собственную красоту.

Собственная личина Мглистой Девы вовсе не позволяла ей рассчитывать на место в Списке красавиц — всем этим она была обязана лишь тому, что поглотила четырёх красавиц, замыкавших список, растворив их в своём тумане.

Она забирала лишь самое совершенное.

Глаза красавицы, занимавшей десятое место в Поднебесной, лицо девятой, фигура восьмой и манеры седьмой.

В конце концов из этого и родилась Мглистая Дева. Изначально она планировала поочередно поглотить всех женщин с Картины красавиц мира, но первые шесть оказались не только писаными красавицами, но и могущественными культиваторшами, с которыми ей было не тягаться.

К ее великой радости, ей повстречался Цзян Жунъи. Стоило проглотить его, и она наверняка взлетела бы на самую вершину Картины красавиц мира.

— Я хочу другое лицо.

Дева Тумана алчно уставилась на лицо Цзян Жунъи.

Будь у нее такая внешность, все мужчины поднебесья пали бы к ее ногам, и тогда она бы непременно добилась искренней любви Чжоу Сывэя.

В этот момент она уже мысленно заприметила желанную добычу.

Окутавший ее туман зашевелился, превращаясь в огромного змея. Стоило хозяйке отдать приказ, как он сорвал бы с жертвы плоть, переломал кости и сожрал заживо.

Дева Тумана приблизилась к Цзян Жунъи, покачивая бедрами и ступая так легко, будто под каждым ее шагом распускались лотосы.

— Стань... частью меня!

Едва прозвучали эти слова, как прекрасное лицо Девы Тумана исказилось, и из ее черт вырвались бесчисленные потоки тумана, устремляясь к Цзян Жунъи.

Тесная комната мгновенно заполнилась дымкой, не оставив ни единого зазора, а густой туман

почти обрел плоть.

Цзян Жунъи вздохнул:

— Ты все такая же невыносимая, Дева Тумана.

В былые времена Дева Тумана люто завидовала красоте Цзян Жунъи и частенько строила козни, пытаясь заполучить его лицо.

Цзян Жунъи это смертельно надоедало, но поскольку в романе «Восхождение к бессмертию» Деве Тумана отводилась определенная роль, ему приходилось делать вид, будто он ничего не замечает, и терпеть.

Однако Дева Тумана не только не унялась, но и стала вести себя еще наглее, из-за чего Цзян Жунъи немало пострадал от ее скрытых ударов.

Он и сам не планировал сводить старые счеты, но раз уж Дева Тумана сама полезла на рожон...

Грех было не отплатить ей за всё.

Бушующее море тумана замерло в воздухе, не смея шелохнуться.

Обратившаяся в туман Дева Тумана туго оплела Цзян Жунъи, но как ни старалась, не могла поглотить этого человека.

— Да как так!

Безумствуя, Дева Тумана породила еще больше испарений, и клубящийся дым полностью окутал Цзян Жунъи.

— Невозможно! Кто ты такой?!

Вопила от ужаса Дева Тумана, чья рука еще ни разу не дрогивала. Прежде она с помощью этого приема справлялась со множеством противников, превосходивших ее по силе, — она просто не могла проиграть какому-то человеку без единой крупички духовной энергии.

Если только этот человек не скрывает свою истинную личность!

Цзян Жунъи ничуть не испугался тумана.

Сложив указательный и средний пальцы вместе, он небрежно черкнул ими по воздуху.

Могучая духовная энергия разорвала туман в клочья, взметнув за его спиной распущенные черные волосы.

Динь-дон...

Раздался отчаянный визг Девы Тумана, и на пол упал тусклый драгоценный камень, издав звонкий стук.

Стоило этому камню проявиться, как туман мгновенно рассеялся.

Истинным обличем Девы Тумана был дух тумана.

На самом деле она бестелесна и не имеет формы, а ее тело соткано из туманной дымки, поэтому, пока не задето ее ядро, она бессмертна.

Этим ядром и был драгоценный камень.

Цзян Жуньи согнулся в пояснице и поднял туманное сердце.

Холодное, ни единой капли тепла.

И верно, откуда взяться сердцу у человека из демонического пути?

Даже любовь у них безумна и лишена всякого смысла, рождаясь лишь из личных прихотей.

Из туманного сердца доносились истеричные крики Девы Тумана — она наконец узнала стоящего перед ней человека.

— Ты же Цзян У...

Вот только договорить она не успела: туманное сердце со щелчком треснуло прямо на кончиках пальцев Цзян Жуньи и, обратившись в тончайший порошок, развеялось в воздухе.

Седьмая красавица из Картины красавиц мира, Дева Тумана, пала.

Дева Тумана существовала в этом мире невесть сколько веков, и все ее бескрайние запасы духовной энергии хранились в туманном сердце. Теперь же всё это богатство досталось Цзян Жуньи.

Вот только духовные корни Цзян Жунъи были сломаны, и его тело просто не могло вместить столь чудовищный объем духовной энергии, поэтому ей оставалось лишь питать перепутанные в хаос меридианы.

Бескрайний поток духовной силы хлынул внутрь, исцеляя тело Цзян Жунъи.

Давно накопившиеся старые раны разглаживались, отчего одновременно и жгло, и зудело.

Цзян Жунъи невольно сжался на кровати, издавая обрывистые стоны. Если бы кто-то посторонний заглянул к нему сейчас, в его голове непременно возникли бы самые пикантные мысли.

И как раз в этот момент в комнату ворвался Чжоу Сывэй.

Разрушив иллюзорную завесу, установленную Девой Тумана, он в спешке вернулся на постоянный двор и, не раздумывая толком, распахнул дверь.

Обычно Цзян Жунъи выглядел болезненным: бледное лицо ничуть не умаляло его красоты, а в облике читалась хрупкость, словно он мог сломаться от любого дуновения ветра.

Сейчас же щеки его пылали румянцем, придавая ему совершенно иной, соблазнительный шарм.

Чжоу Сывэй замер на месте, словно заклятый парализующим заклинанием. Не мигая, с застывшей рукой на дверной створке, он смотрел на человека на постели.

С того места, где он стоял, было прекрасно видно, как изящные, словно вырезанные из нефрита пальцы ног судорожно сжались, а чуть выше — прямые округлые икры снова и снова терлись о простыню, отчего у Чжоу Сывэй потемнело в глазах.

<http://bllate.org/book/22488/2371111>